

Григорий Чеботарев

Правда о России

ББК 63.3(0)61

Ч-34

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Чеботарев Г.

Ч-34 Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917—1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 446 с.

ISBN 978-5-521-85543-8

Григорий Чеботарев, потомственный казачий офицер, с болью рассказывает о неудачной попытке Керенского организовать вооруженное сопротивление большевикам в первые дни после Октябрьской революции 1917 года, о провале генерала Каледина на Дону, когда Белое движение не получило поддержки рядового казачества, о страшных эпизодах Гражданской войны на юге России. В эмиграции, будучи профессором Принстонского университета, Чеботарев преодолевал поверхностный подход американцев к проблемам истории его Родины, сохраняя облик истинной России, за которую умирали его товарищи...

ББК 63.3(0)61

ISBN 978-5-521-85543-8

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф»,
2007

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди факторов, серьезно тормозящих формирование в американском обществе взвешенного понимания проблем России, не последнее место занимает тот факт, что среди миллионов людей, которые приехали в США из Восточной Европы на великой волне иммиграции конца XIX и начала XX века, настоящих русских было весьма мало — преобладали представители нерусских национальностей, тем или иным образом пострадавших от царского самодержавия и угнетения. Несколько десятилетий подряд подавляющее большинство тех, кто получал иммиграционные визы по «русской» квоте, составляли евреи. В больших количествах приезжали также финны, поляки и представители других «невеликорусских» элементов. Великоросс среди иммигрантов был редкостью. Так и получилось, что тон значительного числа устных и письменных высказываний о России в Соединенных Штатах задавали люди, принесшие с собой горькие воспоминания и негативные эмоции по отношению к русским как к нации.

Причиной раскола людей на исторической территории Русского государства послужили никак не связанные с национальностью идеологические вопросы, но описанная выше ситуация и здесь сильно исказила картину. Американцы традиционно сочувствуют любой оппозиции — не важно, революционной или нет, — направленной против авторитарной или монархической системы правления. Более того, русские оппозиционеры и революционеры всегда привлекали к себе внимание и интерес серьезных американских специалистов по России (не

в последнюю очередь речь идет о тезке автора этих строк, Джордже Кеннане, 1845—1923 гг.). Ученые были склонны выступать представителями и защитниками этих людей, особенно потому, что часто у тех не было иной возможности донести свои взгляды и воззрения до мировой общественности. Односторонний характер иммиграции в эту страну тоже сыграл свою роль — ведь революционное движение в России в последние десятилетия перед революцией состояло в значительной степени из людей нерусских национальностей, в отношении которых к царскому режиму смешались и национальные чувства, и идеологические воззрения.

Невозможно, да и не нужно отрицать, что царское правительство совершало невообразимые глупости по отношению к нерусским национальным элементам; невозможно отрицать и беды ранней промышленной эпохи, и неудовлетворенность интеллигенции, которая на рубеже веков оказывала на российское общество столь заметное влияние. Понятно, что американское общественное мнение в значительной степени питалось взглядами антирусских, антицаристских и антикапиталистических элементов на территории империи, а потому едва ли могло быть сбалансированным. И в монархической системе, и в национальном развитии России, конечно, были недостатки, и они вызвали заслуженную обеспокоенность со стороны прогрессивной общественности других стран. Но в России было не только это. В изначально искаженном общественном мнении зарубежья почти теряются важные черты российской действительности — это и русская национальная гордость, и те очевидные элементы терпимости, нити которых, по-видимому, всегда присутствовали в ткани русского самодержавия; это и громадный экономический и образовательный рывок последних лет перед Первой мировой войной; это и блестящий фейерверк творческих достижений в области культуры, осветивший на российской сцене конец старой империи.

Искаженное, однобокое представление о дореволюционных реалиях России стало причиной серьезных ошибок в понимании как самой революции, так и последовавшего за ней советского периода. Самая серьезная из этих ошибок состоит в том, что дореволюционная Россия представляется стра-

ной неразвитой и неразвивающейся. Создается впечатление, что без масштабных жестокостей и жертв сталинской эры в такой стране не появились бы ни достойное народное образование, ни современная экономика. Но едва ли менее серьезной ошибкой представляется недооценка американцами силы и обоснованности русского национального чувства, без чего трудно понять двойственность в отношении среднего русского к советскому режиму. В этом отношении странным образом смешаны национальная гордость и стыд, неловкость за явные недостатки советской системы. В результате возникает болезненная чувствительность к иностранной критике (а ее в США в последние годы хватало), которая дискредитирует не только идеологию, но и народ, не только систему, но и страну в целом.

В этих обстоятельствах представляется полезным дополнить мемуарную литературу воспоминаниями человека, которому удалось совместить серьезное и конструктивное отношение к своему нынешнему американскому гражданству с воспоминаниями о детстве и юности в России, где на первый план выходят многие позитивные стороны дореволюционной России. Читая это повествование, испытываешь чувство полного непонимания — как могла цивилизация дойти до такой политической шизофрении, когда она способна была так много давать одной части своей молодежи и при этом вызывать яростное отторжение со стороны другой ее части. Но так было. Все, кто долго жил в России, имели возможность убедиться: когда ставился вопрос, которое из двух противоположных и вроде бы несовместимых явлений русской жизни истинное, то ответ всегда был один — оба. Так и в данном случае. Лицо монархической цивилизации, которое встает со страниц этой книги, практически никак не соотносится с тем ее обликом, который считали столь неприемлемым революционеры. Однако это лицо тоже существовало, и важно напомнить об этом нынешнему поколению американцев.

Воспоминания охватывают множество эпизодов: это детство автора в семье офицера донской казачьей гвардейской части (позже штабного офицера) в Царском Селе; знакомство

его матери с императрицей и ее дочерьми и их общая работа в лазарете во время войны; неудачная попытка Керенского организовать вооруженное сопротивление большевикам в первые дни после второй революции 1917 г.; неудачная попытка генерала Каледина вскоре после этого организовать казачье сопротивление большевикам на Дону; гражданская война на юге России; и, наконец, жизнь в эмиграции и возобновление контактов с Россией в 1950-х. В каждом случае профессор Чеботарев что-то добавляет к известным историческим данным — что-то новое, или подзабытое, или просто не слишком приемлемое для среднего англоязычного читателя. Особенно важными представляются воспоминания периода Гражданской войны; здесь на первый план выходят главные пороки антикоммунистических сил — отсутствие единства, недостаточная поддержка со стороны народа, путаница в отношениях с западными союзниками и в целом то отрицательное воздействие, которое оказала на политическую жизнь России тяжелая и неудачная война. Особо следует отметить критику автором некоторых ложных концепций в отношении казачьего сопротивления большевикам в 1917 г., общепринятых в Америке. Речь идет о том, что в представлении американцев казачье сопротивление большевикам отражало намерение большинства населения значительной части бывшей Российской империи навсегда отделиться от традиционного Русского государства и обрести полную независимость. Сей исторический миф настолько укоренился в этой стране, что воплотился в резолюции конгресса 1959 г.; эта книга призвана пролить свет на реальную ситуацию и помочь Америке от него избавиться.

Заслугой автора является стремление сделать свои мемуары как можно более подробными и точными. Чувствуется рука опытного ученого и инженера, что очень ценно в такого рода документах. Любой из тех, кому приходилось продирааться через огульные утверждения и экстравагантные односторонние претензии, характерные для значительной части русской мемуарной литературы, будет благодарен профессору Чеботареву за скрупулезное и педантичное внимание к деталям.

Джордж Ф. Кеннан

Моей милой американской жене

Я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать.

Спиноза. Политический трактат

ВВЕДЕНИЕ

В конце января 1937 г. я с комфортом устроился в одном из блоков общежития для старшекурсников в Принстоне, где иногда жили и холостые преподаватели. Я тогда только что приехал из Каира: получив приглашение Принстонского университета, я оставил пост инженера на службе у египетского правительства.

В один из первых вечеров в мою дверь постучал студент, выразивший желание взять у меня интервью для газеты Daily Princetonian.

Это его первое задание на журналистском поприще, сказал он мне, и он забыл дома записную книжку. Не могу ли я дать ему немного бумаги для заметок? Кроме того, у ворот колледжа его ждут, как он выразился, две «кошечки», поэтому не буду ли я любезен рассказать ему как можно быстрее все о своих приключениях во время Гражданской войны в России? Глаза его горели нетерпением.

Я с ужасом представил себе фантастическую историю, которая может появиться в газете, стоит мне только открыть рот и что-нибудь сказать. Поэтому я, как мог, уклонился от рассказа.

Через день или два (29 января) Daily Princetonian поместил на первой странице заголовок: «На факультете появился новый преподаватель — бывший боевой казак. Чеботарев не хочет вспоминать войну».

С тех самых пор американские друзья — а им временами приходилось выслушивать мои воспоминания — убеждали меня записать кое-какие события, свидетелем которых

мне довелось быть. Многие из них представляют исторический интерес; некоторые важные детали этих событий или вовсе нигде не описаны, или описаны с искажениями и в красных, и в белых публикациях, причем совершенно по-разному.

До недавнего времени я считал, что начну работать над мемуарами после ухода в отставку. Я не собирался ограничиваться описанием отдельных виденных мной событий, а хотел попытаться дать как можно более полную картину многоликой российской жизни, о которой в американском обществе сложились поразительно неверные представления.

За последние восемьдесят лет эти неверные представления сильно испортили отношение американцев к русским. До того отношения были вполне дружескими — высшая их точка приходилась на американскую Гражданскую войну, но в дальнейшем на них повлияло множество событий.

Вероятно, начиная с последней четверти XIX в. одним из важнейших факторов стал состав европейской эмиграции в Соединенные Штаты. Ее влияние постепенно изменило представления целой страны. Иммигранты разных национальностей приезжали в США из разных стран, но большинство из них имело одну общую черту — давнюю вражду и предубеждение против России, хотя и по разным причинам.

До 1917 г. в Соединенных Штатах почти не было великороссов. После Первой мировой войны сами русские — и красные, и белые, — внесли вклад в нелестный образ своей страны и своего народа на Западе. Красные всю старались преувеличить недостатки Российской империи, чтобы оправдать собственный, гораздо более значительный, произвол; белые эмигранты говорили почти исключительно о жестокостях красных и не хотели признавать, что в СССР делается хоть что-то хорошее.

После Второй мировой войны новая волна иммиграции еще больше исказила картину. Причиной тому стал совершенно непростительный пункт Ялтинского соглашения: этот пункт обязывал западных союзников выслать насильно в Советский Союз всех тех, кто покинул его пределы после 1939 г. и оказался на оккупированной территории Германии или ее

союзников. По этой причине очень немногим русским и украинцам удалось избежать выдачи красным — только тем, кто сотрудничал с пронацистскими группами и кому они после падения Гитлера помогли скрыть свое прошлое.

Наивная надежда на «старину Джо» Сталина, беспощадного советского диктатора-грузина, которую питали некоторые американские лидеры времен Второй мировой войны, привела Вашингтон к разочарованию и противоположной крайности.

Началась организованная кампания по привлечению к этой проблеме американского общественного мнения. Понятный страх перед дальнейшей коммунистической агрессией наложился на антирусские предубеждения новых иммигрантов — и в результате слова «русский», «коммунистический» и «империалистический» совершенно перепутались. В некоторых случаях, похоже, такая путаница даже создавалась искусственно и вела к гротескным перегибам, венцом которых стал так называемый «Закон о порабощенных народах» (U.S. Public Law 86—90), единогласно принятый конгрессом США в июле 1959 г.

Мало кто из американцев понимает, что в этом законе речь идет не только о суверенных странах, таких как Польша, Венгрия и другие, упомянутых в той части Ялтинского соглашения, которую нарушил Сталин. На самом деле Закон 86—90 призывал к расчленению российских территорий в соответствии с глобальной географической схемой, которая очень напоминает ту, что выдвигали в прошлом нацистские и кайзеровские захватчики, нападавшие на Советский Союз и Россию и желавшие их политического покорения и экономического подчинения.

Мало того, Закон 86—90 обязывал США помогать неким мифическим странам, таким как «Казакия» и «Идель-Урал», в «восстановлении их свободы и независимости». Само название «Казакия» было «открыто» в Центральной Европе между двумя мировыми войнами. Поэтому мне показалось, что я, как бывший офицер и донской казак и как американский гражданин с более чем двадцатилетним стажем, легко смогу раскрыть злонамеренный обман, жертвой которого стал конгресс Соединенных Штатов, — правда, жертвой добровольной.

Однако на все просьбы позволить мне дать показания под присягой перед соответствующими комитетами конгресса я получил отказ. Ни опубликованные письма в разные редакции, ни статьи и обращения не дали никаких видимых результатов. Главная причина этого, по-видимому, почти полное отсутствие у американцев реальных знаний о России и русских, и особенно о том, что на самом деле стояло за конфликтами, определившими характер исторических событий в Восточной Европе.

Поездка в СССР в качестве члена делегации США по обмену в области фундаментостроения в 1959 г. (по поручению президента Национальной академии наук в Вашингтоне) произвела на меня глубокое и в целом благоприятное впечатление. Первый визит на родину после сорокалетнего отсутствия убедил меня, кроме всего прочего, в том, что непонимание Запада (в том, что касается подлинного духа событий в России) распространяется не только на историю, но также и на современную жизнь.

Меня изумляет, например, что такой умный, хорошо информированный и порядочный человек, как Уинстон Черчилль, говорил о России — причем, очевидно, вполне серьезно — как о «загадке, обернутой тайной». В том, как Россия реагирует на действия Запада, нет ничего загадочного — и никогда не было. Ужасные человеческие потери России в Первой мировой войне породили яростное возмущение народа против правящих классов, допустивших из-за своей недалекновидности такие страдания. В результате вирус марксизма, пришедший с Запада, попал на плодородную — временно — почву. Это привело к величайшим потрясениям; много лет после победы коммунистической идеологии Россия как страна сильно болела. А близорукие действия западных стран, кульминацией которых стало нацистское вторжение, только затягивали болезнь и не давали России вернуться к здоровым и нормальным отношениям с внешним миром. Мало кто в Америке это понимает. Мне кажется, что дело не только в том, что людям на Западе трудно понять смысл далеких событий. Недостаток воображения не позволяет им представить, как может повести себя человек в чуждых и никогда не испытанных обстоятельствах.